

О. А. КОСИНОВА

Национальная идея в содержании образования и воспитания российского зарубежья в Китае первой половины XX века

Среди духовных ценностей национальные чувства занимают особое место. Любовь к Родине, уважение к своей национальной культуре в значительной степени определяют личностную позицию человека, его отношение к обществу, обуславливают степень социальной активности. Формирование данных качеств подразумевает становление индивида как гражданина.

При различных вариантах отношения российской молодежи к данному вопросу в целом в этой среде наблюдается возрож-

дение интереса к своей национальной культуре и чувства патриотизма, укрепление представления о возможности своей профессиональной самореализации именно в России. Данное явление как одну из тенденций развития молодежной среды современной России отмечает в своем интервью ректор Московского гуманитарного университета И. М. Ильинский¹. Таким образом, после периода непопулярности эта тема снова обретает актуальность для нашей страны, в особенности — для молодежи.

Национальный вопрос всегда приобретал особую остроту в переломные моменты отечественной истории. Так происходило в России в период эмиграции «первой волны», когда часть российских граждан оказалась за пределами России, но не пожелала потерять связь со своими корнями, сохранив любовь к Родине, национальной культуре и передав ее тем, кто родился уже за пределами России.

После событий Октября 1917 г. для тех, кто жил в восточной части России, естественным было движение на Дальний Восток и далее — в Китай. Тем более что еще с 90-х годов XIX века северо-восточная часть территории Китая — Маньчжурия — была освоена строителями Китайско-Восточной железной дороги (далее — КВЖД). По административной системе, укладу жизни и культуре этот край был российским. До 1924 г. полоса КВЖД сохраняла также право экстерриториальности.

Ко времени эмиграции в Маньчжурии уже существовала сеть образовательных и воспитательных учреждений, работали научные организации, сложилось общественно-педагогическое движение. Харбин был крупным образовательным и научным центром края. С появлением беженцев эта территория стала одним из регионов российского зарубежья. Российское население Маньчжурии фактически оказалось в эмиграции. В ситуации изоляции от Родины и острейшей политической борьбы единственным условием выживания и сохранения этнического самосознания для россиян было сбережение и развитие своей национальной культуры.

Представления русских эмигрантов о вынужденности и временности своего пребывания за границей, надежда на возвращение в Россию способствовали появлению идеи национального возрождения. В целом она выражала стремление к сохранению и развитию своей национальной культуры в условиях эмиграции. Представление о национальном возрождении включало в себя идеи духовности, патриотизма, уважения к личности, православной веры. Особенно важно

было привить эти качества личности молодому поколению эмигрантов. Поэтому работа в этом направлении стала одной из задач в деятельности образовательных учреждений. Сама национальная идея приобрела педагогический аспект.

Реализация национальной идеи была представлена прежде всего в содержании образования и воспитания. В целом она была направлена на сохранение основных идей и принципов формирования содержания образования на различных образовательных уровнях и их дальнейшее развитие в условиях эмиграции. Преемственность содержания образования российского зарубежья в Китае по отношению к содержанию образования дореволюционной России объективно способствовала поддержанию качественного уровня образования, развитию научных школ и актуальных направлений педагогики. Идея национального возрождения нашла отражение в учебных планах, программах, научной полемике, педагогической публицистике.

Реализация данной идеи в практике образования актуализировала следующие дидактические и педагогические задачи: сохранение традиций качества классического гимназического образования, социокультурной адаптации детей и молодежи в Китае, ориентация на их подготовку к высшей школе и профессиональной деятельности в регионе Дальнего Востока и др. Решение этих задач было связано с развитием существовавших и созданием новых учебных заведений. Наиболее известными средними учебными заведениями Харбина были: коммерческие училища, гимназия Христианского союза молодых людей, Первое смешанное реальное училище, гимназии М. А. Оксаковской и М. С. Генерозовой, лицей Св. Николая. В период эмиграции в городе появились первые вузы: Юридический факультет, Политехнический институт, чуть позже — Педагогический институт, Институт ориентальных и коммерческих наук и др. Всего в Харбине в 20-е — начале 30-х годов действовало около 10 вузов. Харбинский поли-

технический институт имел также филиалы в других городах Китая.

В Шанхае, втором по численности российского эмигрантского населения городе Китая, делом образования ведали общественные организации с широким кругом полномочий: Русское просветительское общество, основавшее в Шанхае первую русскую школу, а также Русский эмигрантский комитет. С 1921 г. для детей российских беженцев были открыты школы: Свято-Андреевская церковно-приходская школа, реальное училище, Русское морское училище, русская женская гимназия, учрежденная Лигой русских женщин, и др. В Шанхае российскими эмигрантами были основаны вузы: Институт русского языка, Институт иностранных языков.

Довольно большая колония россиян была в Тяньцзине. В 1920 г. был создан Русский школьный комитет, стараниями которого в Тяньцзине была открыта первая русская школа. Работало много учреждений дополнительного образования. В Тяньцзине существовали общественные организации, занимавшиеся культурно-просветительской деятельностью, — Русский клуб и Русское общественное собрание. С 1928 г. в городе начала свою деятельность Русская национальная община, занимавшаяся организацией благотворительных мероприятий, просветительских лекций. При наличии нескольких центров российской эмиграции в Китае следует отметить ведущую роль Харбина как крупного культурно-образовательного центра.

Эмигрантская школа мыслилась педагогами российского зарубежья в Китае как национальная. В 1920-е годы в связи с упорядочением деятельности средних общеобразовательных учреждений Комитетом образовательных учреждений города Харбина осуществлялось их реформирование применительно к условиям эмиграции. За основу развития средней общеобразовательной школы был взят проект реформы средней школы министра народного просвещения П. Н. Игнатьева, нацеленный на формирова-

ние у учащихся национального самосознания через увеличение количества учебного времени на изучение русского языка и литературы, отечественной истории, географии России. Данные дисциплины получили в эмиграции название «предметов россики».

Основным предметом был русский язык. В сетке недельных часов на его изучение отводилось наибольшее количество учебного времени — 4 часа в неделю. Всего же на его изучение в 5–7-х классах приходилось 12 часов недельной учебной нагрузки. Второе место по количеству часов в учебном плане реальных училищ занимали физика и английский язык — по 10 часов. В совокупности на изучение русского языка, истории и географии России отводился 21 час из 99 часов учебной нагрузки, т. е. почти четверть учебного времени².

Важную воспитательную функцию образования и воспитания в национальном духе выполнял Закон Божий — традиционный предмет для школ того времени. Программная комиссия Комитета образовательных учреждений города Харбина сочла возможным разработать свою программу, для чего была создана особая комиссия из отцов-законоучителей. Кроме соответствующих занятий в подавляющем большинстве русских эмигрантских учебных заведений были обязательные богослужения; рабочий день школьников начинался с утренней молитвы. Богослужением сопровождался «День русской культуры» и другие праздники.

Позицию педагогов российского зарубежья в Китае много позже выразили выпускники Первого Харбинского русского реального училища: «Сторонники новизны во всем «во что бы то ни стало» нередко упрекают нашу эмигрантскую школу в том, что она продолжает жить в старых формах, больше преподает, чем изучает, гонится за формальными знаниями, заглушает индивидуальные стремления учащихся в ходе и приемах обучения и т. д.

Трудно сказать — чего больше в этих упреках: прямого ли заблуждения или просто-го незнания истинного порядка вещей... Пе-

репрыгивать нам из русской школы в американскую, или сильно американизированную, совершенно незачем, да и невозможно без того, чтобы не растерять, что имеем, ибо русское есть русское, только для нас оно хорошо, ценно и полезно, а американское есть американское, и как нельзя лучше годится для американцев»³.

В училище работали кружки: истории, литературы, родинovedения, религиозно-просветительский и др. Сохранились темы рефератов учащихся: «Петербург как исторический памятник», «Время императрицы Елизаветы Петровны», «Русский чудовождь А. В. Суворов» и др. Отмечались даты, связанные с биографией А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского и других русских писателей⁴.

Идея национального возрождения получила осмысление в трудах педагогов российского зарубежья в Китае. Анализируя проблему образования и воспитания эмигрантской молодежи, историк и педагог М. Н. Ершов в своей книге «Школа и национальная проблема» отмечал: «...подростающее поколение должно приобщиться к познанию и проникновению в глубину истоков и мотивов исторической жизни своего народа. В этом основная задача школы, как известного государственного и общественного института»⁵. Проходя последовательно различные социальные институты: семью, школу, вступая во взрослую жизнь, ребенок воспринимает идеи, традиции, нормы, присущие культуре его народа. Опираясь на этот багаж в дальнейшем, передает их подрастающему поколению. Таким образом, психическое становление осуществляется посредством и благодаря присвоению национально-культурных форм общезжития.

В Советской России, писал М. Н. Ершов, национальные начала забыты, школа не развивает индивидуальность. Критикуя советскую школу, М. Н. Ершов, по сути, сформулировал перед педагогами зарубежья в Китае задачу — сохранить и развить российскую культуру, донести ее до поколений, родившихся в эмиграции. Передача российского

национального культурного наследия является педагогической задачей зарубежья, формирование национального самосознания у детей — целью воспитания.

К. И. Зайцев, историк, педагог, с 1934 г. — декан Педагогического института, рассматривал человека как социального субъекта. Становление индивидуального самосознания каждого члена общества тесно связано у К. И. Зайцева с концепцией исторического пути России. Национальная культура при этом трактовалась им как фактор развития индивидуальности. Гражданственность человека в понимании К. И. Зайцева является одним из компонентов нравственности. Воспитание приобретает приоритетное значение по сравнению с образованием, так как определяет духовность человека, его нравственные начала. Поскольку индивид является носителем национальной культуры, постольку дело его воспитания приобретает первостепенное значение⁶.

Директор гимназии Педагогического института Н. А. Стрелков в статье «К педагогам!» условием сохранения национального самосознания детей и молодежи считал определенную позицию педагогов, которая заключалась в их объединении, проявлении общественной активности, широкой просветительской деятельности, отмежевании от советской школы. Н. А. Стрелков обращал внимание на наличие в Харбине крупных научно-образовательных центров, способствующих решению поставленных задач, — Политехнического института и Юридического факультета⁷. Будучи одновременно преподавателем Педагогического института, он предлагал данный вуз в качестве площадки для педагогического объединения. Таким образом, деятельность по сохранению в Китае российской национальной школы сопровождалась, во-первых, тенденцией педагогического сообщества к консолидации, а во-вторых, критикой советской системы образования.

Продолжая новаторскую позицию отечественной педагогики, российское педагогическое зарубежье в Китае рассматривало

национальное воспитание в тесной связи с идеями развивающей педагогики. Национальная культура должна сопровождаться формированием у учащихся активной жизненной позиции, развитием их самостоятельности и творческого потенциала. Знакомство с национальной культурой позволяет развивать у школьников не только их умственные способности, но и эмоционально-ценностное отношение к изучаемому материалу.

При этом школы, хорошо понимая важность подготовки учащихся к поступлению в вузы, дополняли учебные планы необходимыми предметами: китайским языком, краеведением, историей и географией Востока, статистикой, коммерческой географией, историей торговли и др., — что значительно перегружало содержание среднего образования. Обычным был режим по семь уроков при шестидневной учебной неделе⁸. Однако приоритет «традиционных» для школ предметов сохранялся.

Реализация идеи национального возрождения была тесно связана с работой по воссозданию российским зарубежьем в Китае традиций отечественного высшего образования. Например, в материалах Юридического факультета в Харбине отмечалось, что целью создания этого вуза было «поддержание русской культуры на Востоке силой образования»⁹.

Интеллигенция российского зарубежья видела преемственность прежде всего в сохранении содержания высшего образования дореволюционной России. На Юридическом факультете, в Политехническом институте и других вузах зарубежья в Китае были сохранены учебные планы и программы подготовки по соответствующим специальностям. Фундаментальность подготовки в высшей школе российского зарубежья в Китае была хорошо известна в Западной Европе, которую регулярно посещали выпускники вузов Дальнего Востока с целью научного доклада или защиты диссертации.

Идея национального возрождения была основой внешкольной воспитательной рабо-

ты в среде детей и юношества. Среди целей Кружка русской молодежи при Беженском комитете было: «Содействие объединению русской эмигрантской молодежи и способствование развитию в ее среде национального самосознания и идей солидарности и основ совместной работы и сотрудничества»¹⁰. Одна из задач детского и молодежного движения «Русский сокол», отделение которого было в Китае, формулировалась следующим образом: «Уберечь русских детей и подростков, родившихся на чужбине, от денационализации, сохранить все русское, честное и нужное для дела восстановления своей страны»¹¹.

Аналогично формулировалась задача Кружка русских студентов: «Объединение всех национально мыслящих русских эмигрантов, окончивших средние школы и состоящих студентами местных высших учебных заведений, с целью оказания взаимной материальной и моральной поддержки своим членам и просветительной деятельности в духе начал национальной культуры»¹².

Активно действовали общественные организации выпускников вузов. К ним относилось, например, «Дальневосточное объединение русских, окончивших высшие учебные заведения за рубежом» (ДальОРОВУЗ), ставившее себе одной из задач сохранение и развитие российской национальной культуры. В организацию входили выпускники всех крупных вузов Харбина: Харбинского политехнического института, Педагогического института, Юридического факультета и др.

ДальОРОВУЗ, являясь Дальневосточным отделением «Объединения русских, окончивших высшие учебные заведения за рубежом» (ОРОВУЗа), вел активную переписку с центром организации во Франции. В 1932 г. в одной из газет ДальОРОВУЗом было помещено обращение, адресованное эмигрантами во Франции своим соотечественникам в Китае. Оно раскрывает, в частности, содержание и уровень понимания национальной идеи: «Задача объединений окончивших высшую школу, однако, не только в организации правовой защиты, оказании трудовой

помощи и в креплении связи между различными профессиональными группами эмиграции. Молодая русская интеллигенция, готовя себя к участию в труде по восстановлению русского народного хозяйства, разрушенного войной и революцией, задачу свою углубляет и расширяет: немислимым и недопустимым считает она пассивное отношение к происходящему в России. Ежедневно всем своим сознанием и бытием мы ощущаем наш долг говорить той иностранной среде, в которой живем и работаем, о трагедии русского народа, рвущегося к свободе и независимости и получившего в удел жесточайшую тиранию и рабство. В годы русского лихолетья, когда советская власть систематически уничтожает русских культурных работников — ученых, инженеров, агрономов, юристов, врачей, видя в них а priori врагов своей системы властвования, массами заполняет тюрьмы, подвалы ГПУ и места ссылки, создает целые армии людей, принудительно прикрепляемых к работе, вывозит из голодающей страны хлеб, обрекая миллионы русских людей на голодную смерть, — в эти годы мы не выполнили бы своего русского долга, если бы не зывали к совести культурного мира. Но и культурный мир не исполнит своего долга, если останется глух к страданиям народа, давшего мировой культуре Пушкина, Толстого, Достоевского, Лобачевского, Менделеева, Репина... Готовя себя к служению Родине во время вынужденного пребывания вне ее, мы готовим вместе с тем во всех странах мира и друзей, готовых помочь России в ее творческом возрождении»¹³.

ДальОРОВУЗ активно участвовал в организации и проведении «Татьянина дня», религиозных мероприятий, научных лекций и диспутов, клубных дней, «чашек чаю», бабов, в различных формах способствуя сохранению и развитию российской культуры и образования.

Идея национального возрождения была характерна для разных регионов проживания российской эмиграции и носила объединительный характер. Она подразумевала не только знание своей национальной культуры

и любовь к ней, но и активную общественную позицию. Патриотизм для российской эмиграции в Китае был основой деятельного сочувствия и помощи нуждающимся. Не случайно распространенным явлением в среде эмиграции были сборы пожертвований в пользу советских граждан.

Организационным оформлением идеи национального возрождения стал «День русской культуры», который отмечался российской диаспорой в Китае с 1925 г. Празднование приходилось на 6 июня, день рождения А. С. Пушкина. Праздник не случайно был приурочен к этой дате: А. С. Пушкин был символом русской культуры, ее могущества и значимости. Традицию празднования заложили эмигранты Западной Европы. Активные контакты и идейное единство двух диаспор способствовали распространению этой традиции в эмигрантском сообществе Дальнего Востока. Председатель Правления Харбинского комитета помощи русским беженцам В. И. Колокольников в передовице «День Русской культуры» отмечал: «В Харбине необходимо, чтобы «праздник Русской культуры был не только днем воспоминаний и докладов, надо, чтобы он стал «днем смотра» всех достижений русского меньшинства в области науки, искусства, литературы, просветительной работы, — днем критического обзора всех крупных событий эмигрантской жизни. ...Поэтому чрезвычайно желательно учреждение у нас в Харбине, по примеру других стран, постоянного комитета по празднованию «Дня русской культуры»¹⁴.

Опору на идею национального возрождения раскрывают задачи праздника:

1. Выяснить своеобразие и самобытность русской культуры, понять пути к ее сохранению и развитию.
2. Объединить все созидательные силы русского народа для блага России¹⁵.

Поначалу День русской культуры проводился на базе Харбинского смешанного реального училища. Программа включала в себя: приветствия, выдачу аттестатов и наград, чтение стихов, речи преподавателей, хоро-

вое пение, марш в исполнении оркестра учащихся. Организация и содержание мероприятия были результатом работы воспитанников училища. Постепенно этот праздник приобретал популярность: в его проведении стали принимать участие и другие организации.

5 мая 1930 г. по инициативе Беженского комитета и Русского студенческого общества было созвано организационное собрание представителей культурно-просветительных организаций Харбина и отдельных общественных деятелей. Праздник готовился и проводился под эгидой православной церкви. Для проведения намеченного плана избирались комиссии: по организации торжественного заседания, по устройству концерта, по редактированию газеты. Красноречива тематика докладов: «А. С. Пушкин как поэтическое выражение основных начал, духа русской культуры», «Русская национальная государственная культура», «Душа русской нации» и др. Расширилась и программа проведения праздника. Распорядок празднования включал в себя:

1. Торжественную литургию в Свято-Николаевском соборе — главном православном соборе Харбина, на которую собирались с оркестрами и знаменами учащиеся старших классов всех русских средних школ.

2. Концерт для учащихся в помещении железнодорожного собрания.

3. Вечернее торжественное заседание¹⁶.

Каждый год к празднику издавалась одноименная брошюра. В связи с пушкинским юбилеем 1937 г. был издан богато иллюстрированный сборник «Пушкин и его время» под общей редакцией профессора К. И. Зайцева. Столетие со дня рождения А. С. Пушкина было отмечено не только в Харбине, но и в других городах и поселках Маньчжурии. Особый комитет выпустил немало изданий к этому дню, вспоминал представитель европейской эмиграции П. Е. Ковалевский¹⁷.

Посредством празднования «Дня русской культуры» российская диаспора в Китае ощущала свое единство с другими регионами, свою сопричастность сбережению и развитию

национальной культуры, так как этот праздник отмечался также в Шанхае. О тесном культурном единении эмигрантской общности в Китае с другими местами проживания эмигрантов свидетельствует их активная переписка. Русские эмигранты в Китае получали приветствия к этому дню из Чехословакии, Норвегии, Бельгии, Франции.

И конечно, «День русской культуры» выполнял воспитательную функцию. Привлечение учащихся к организации и проведению праздника говорит о большом воспитательном значении, которое придавали празднику педагоги дальневосточной диаспоры. Этот праздник и воспитательная работа российского педагогического зарубежья в Китае в целом, основанная на воспитании в духе национальной идеи, соединяла, по сути, два направления воспитательной работы: гражданское и нравственное.

Однако работа по привитию национальной культуры давала неоднозначные результаты. Постепенно в среде эмиграции распространяется явление, получившее название денационализации — вытеснения в сознании эмигрантов ценностей национальной культуры другой культурой, обычно культурой страны проживания. Ранее других регионов российского зарубежья это проявилось в Западной Европе, где адаптация эмигрантов проходила быстрее. Е. Г. Осовский, характеризуя российское зарубежье Западной Европы, замечал: «По мере того, как эмиграция затягивалась, сохранение российских традиций духовной культуры и образования становилось все более сложным и малоперспективным делом, все менее востребовалось эмигрантским сообществом»¹⁸. В среде европейской русской эмиграции явление денационализации начинается приблизительно во второй половине 20-х годов, после того, как большинством эмигрантов были решены основные бытовые проблемы, а также в связи с международным признанием СССР рядом европейских стран, в результате чего ослабла надежда вернуться на родину¹⁹.

Денационализация была характерна и для диаспоры в Китае. На Дальнем Востоке ее

усиливал ряд факторов: присутствие в ряде городов Китая европейских концессий с образовательными учреждениями в них, требования рынка труда в индустриально развитых городах Китая, нестабильность внутриполитической обстановки Китая и др. Денационализация способствовала забвению эмигрантами своей национальной культуры и разрушению культурного единства российского зарубежья в Китае. Однако в Китае этот процесс шел медленнее, чем в Западной Европе. Существенное влияние на этот процесс оказала Вторая мировая война.

Идея национального возрождения была ведущей идеей содержания образования и воспитания российского зарубежья в Китае. Она способствовала выживанию и сохранению российской диаспоры в Китае в условиях иноязычного и инокультурного окружения. Национальная идея имела объединяющее значение, соединяя людей разных жизненных взглядов, политических, религиозных и иных убеждений. Соответственно этой идее разрабатывались различные формы культурной деятельности российской эмиграции, среди которых особое место занимала образовательная и воспитательная деятельность. Более того, возрождение национальной российской культуры было идейной основой единения и культурно-образовательного обмена между центрами проживания россиян в Китае, а также обеспечивала поликультурное взаимодействие с народами Китая. Этой идеей была проникнута деятельность всего эмигрантского сообщества.

Реализация национальной идеи в содержании образования и воспитания обогатила теорию и практику педагогики прежде всего продолжением передовых взглядов отечественной педагогической науки и практики: развивающего характера образования, всестороннего и гармоничного развития личности, формирования активной жизненной позиции и развития самостоятельности и других идей. Этому способствовали: разработка предметов «россики» в содержании сред-

него образования, насыщенная внеурочная деятельность учащихся, фундаментальность высшего образования, опыт взаимодействия образовательных учреждений с другими социальными институтами.

¹ См.: Ильинский И. М. Прошлое корректирует будущее // Знание. Понимание. Умение. 2007. №1. С. 10.

² Харбинское архивное управление. «Харбинский фонд». Д. 340. Л. 28.

³ Сборник памяти 1-го Харбинского русского реального училища. Сидней, 1987. С. 39.

⁴ Там же.

⁵ Ершов М. Н. Школа и национальная проблема : социально-педагогический очерк. Харбин, 1926. С. 48.

⁶ Зайцев К. И. К познанию православия / Священник Кирилл Зайцев. Ч. 1. Шанхай, 1948. С. 165–172.

⁷ ГА РФ. Ф. 5837. Оп. 2. Д. 348. Л. 1.

⁸ Харбинские Коммерческие училища КВЖД, Сан-Франциско. 1973. №11. С. 49–54.

⁹ Известия Юридического факультета. Т. 4. Харбин : Заря, 1927. С. 341.

¹⁰ ГАХК. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 39. Л. 237.

¹¹ Кадесников Н. Несколько слов о Русском Соколье // Часовой. Париж, 1936. №177. С. 21.

¹² ГАХК. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 39. Л. 251.

¹³ ГАХК. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 41. Л. 4.

¹⁴ Харбинское архивное управление. Фонд «Русские материалы». Д. 310. Л. 9.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 5837. Оп. 2. Д. 36.

¹⁶ Харбинское архивное управление. Фонд «Русские материалы». Д. 311. Л. 1.

¹⁷ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия : доп. вып. С. 93–95.

¹⁸ Очерки истории образования и педагогической мысли Российского зарубежья (20–50-е гг. XX в.) / под ред. О. Е. Осовского. Саранск, 2000. С. 31.

¹⁹ Семченко А. В. Внешкольное образование в деятельности педагогических учреждений и общественных объединений русской эмиграции (1919–1939 гг.) : монография. Тамбов, 2001. С. 103.